

ная репетиция перед другим отъездом.

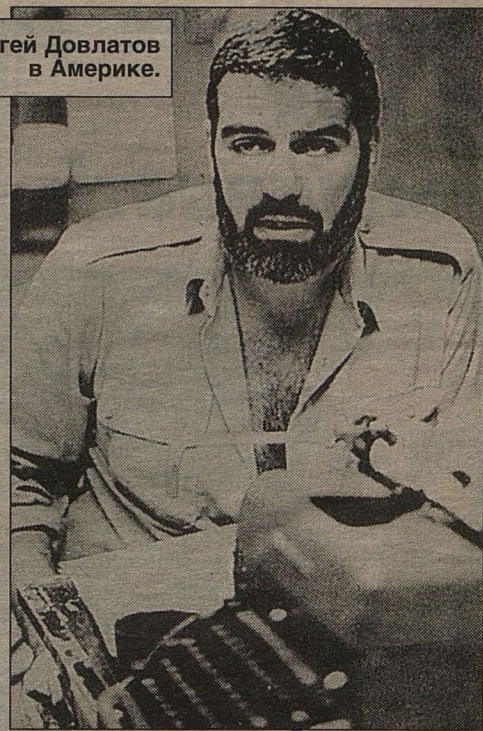
Уезжая, он боялся предать

О том, как уехали в Штаты Елена с маленькой Катей, Довлатов подробно написал. Но нигде не найти описание того, как уезжал он сам.

— Лене очень надоела такая жизнь, — вспоминает Арьев. — Она хотела его отсюда вытащить. Действительно, сначала уехала она с дочкой, видимо, надеясь, что он очухается и придет. Так оно и случилось. Сергей очень долго шел к тому, чтобы уехать. Я думаю, он решил, что это — последняя граница его жизни и больше он этот мир никогда не увидит. Не увидит этих людей и даже не будет с ними общаться и переписываться. Даже со своими друзьями. Все. Подводится жирная черта, он уезжает в другой мир. Мне кажется, что у него было чувство, что, уезжая, он предаст своих. Несколько последних дней здесь было жуткое пьян-

в супермаркет. Довольно быстро пришел, сунул мне пиво, а себе что-то принес в пакете. Я говорю: «Что это?» Отвечает: «Лимонад». Я сначала не обратил внимания, а потом смотрю, он как-то странно пьет, не как лимонад. Это оказалось вино. И тут Сережа загулял. Да так, что к моему отъезду он уже даже за руль не мог сесть. Для Сережи в Штатах алкоголь стал каким-то средством успокоения психики. Одной из наших любимых фраз была цитата из Хемингуэя: «Стоит только немного выпить, и все становится почти как прежде». Ему

Сергей Довлатов в Америке.

Ком. правда - 2000
24 авг. - с. 15

Андрей АРЬЕВ, друг Довлатова:

Он все время хотел вернуться домой

В этот день 10 лет назад в машине нью-йоркской «Скорой помощи» умер Сергей Довлатов

ство, допивали еще в аэропорту перед посадкой. Я помню, как Сережа последним заходил в самолет, в руке у него была клетка с собакой. Он исчез в проеме, и дверь захлопнулась. И уже в самолете он дико напился, у него была припасена с собой бутылка водки.

Жизнь за океаном

В Америке Довлатов стал другим. Слишком много сразу изменилось в его жизни. Но вместе с внешним благополучием пришла жуткая тоска. По друзьям, по городу, по всему.

Довлатов постоянно писал. Вставал в пять утра и начинал работать. Он не пил, буквально не капли в рот не брал и вдруг срывался, на два, на три дня, на неделю.

— Я помню, как Сережа приехал меня забирать от друзей, — вспоминает свой приезд в Штаты Андрей Арьев, — и я вижу, что что-то не то. Мы поехали домой, по дороге он решил зайти

этого очень хотелось в эмиграции, чтобы все как прежде.

Бродский рассказывал, как в Лиссабоне на очень престижной конференции Довлатов вдруг так загулял, что его пришлось отправить домой. К самолету его вели два Нобе-

— Я встретил Сергея через день после свадьбы, и он сказал мне: «Вот, Аська ушла...»

левских лауреата — сам Бродский и Милош.

Последний круг

С началом перестройки Довлатов начал планировать поездку в Союз. Он очень хотел домой, в родной Питер. «...Но не просто в качестве еврея из Нью-Йорка, — писал он в письме, — а в качестве писате-

ля, я к этому статусу уже привык и не хотел бы отказываться даже на время».

Он решил для себя: выйдет книга — приеду. И ждал.

— Он боялся, приехав сюда, каких-то суперперегрузок, — говорит Андрей Арьев. — Ведь было ясно, что начнется оглушительный загул. Сережа как-то сказал мне: «Я обо всем могу вспоминать, но о некоторых местах в Питере и о Пушкинских Горах даже вспоминать не могу, так сердце начинает колотиться». Но он очень хотел приехать, только все откладывал и ждал, когда выйдет книга...

Книга была уже готова, Андрей Арьев написал вступительную статью и отправил ее в Штаты. В ответ пришла ужасная весть — Сергей умер. Первая книга, которую он так долго ждал, вышла с траурной рамкой на обложке.

Последним недописанным произведением Довлатова стал «Холодильник».

— Тот литературный путь, который Сережа прошел до конца, — говорит Андрей Арьев, — путь признания, не оказался вершиной желаемого, а только одной из целей из жизни. А жизнь продолжалась... Он хотел показать круг окружающих его вещей. Сгущенный круг жизни, из-за которого он страдал. Он страдал от отсутствия вещей и написал «Чемодан», он страдал от того, что всю жизнь недоделал, и начал писать «Холодильник». Он страдал от любовных неудач, при всех внешних успехах, и собирался описать это. Я думаю, это был его последний замысел. Последний круг, который он собирался пройти в литературе и на этом закончить.

...Довлатов не успел. Его сердце не выдержало. Его не успели привезти в больницу, он умер в машине «Скорой помощи». Сердце внешне такого здорового человека оказалось слабым. А из окон дома, где он жил, видны деревья кладбища, где он похоронен...

Зинаида ЛОБАНОВА.

Санкт-Петербург — Москва.

P.S. Автор благодарит редакцию журнала «Звезда» за помощь в подготовке материала.

Довлатов стал единственным русским, чьи произведения покупал впрямь самый престижный литературный журнал «Нью-Йоркер». Он добился того, о чем мечтал, живя в коммуналках Питера, охраняя зеков, работая в республиканской газете и распивая с друзьями портвейн в Пушкинских Горах.

— Когда я с ним познакомился, — вспоминает его друг Андрей Арьев, сейчас редактор литературного журнала «Звезда», — я считал, что для Сережи главное в жизни — это девушки. Потом я понял, что выпивка. И лишь потом я начал понимать, что главное для него — это литература. Сам он в последнее время утверждал, что главное для него — это семья.

Он влюблялся мгновенно

На втором курсе Довлатов влюбился: Ася Пекуровская, студентка вечернего отделения, была сногсшибательно красива и пользовалась огромной популярностью. Это была бурная и драматическая любовь.

— В Асю были влюблены многие мои друзья, — рассказывает другой друг Довлатова, историк Яков Гордин, — и Сережу в этом можно было вполне понять. Но он, в отличие от остальных, смог на Асе жениться. Доказал всем, что вот Ася теперь — его жена.

За могучей внешностью Довлатова оказался типичный холерик: импульсивный, неуравновешенный, легкоранимый. Он тяжело переживал домашние ссоры, совсем потерял голову, влез в долги. Бросил учебу и тут же попал в армию, в ВОХР.

— Их счастливая жизнь продолжалась недолго, — говорит Андрей Арьев. — Я помню, как встретил Сергея через день после свадьбы, и он сказал мне: «Вот, Аська ушла...»

Новая жена Довлатова была полной противоположностью Аси. Елена обладала абсолютно ровным и невозмутимым характером. Они познакомились в троллейбусе, когда Сергей еще был с Асей. Потом случайно встретились и ... стали жить вместе. На этот раз страсти и измены были уже со стороны Довлатова. Он в любой момент мог выйти из дома и неизвестно когда вернуться. Так он уехал в Таллин. Чуть ли не в одном пиджаке. Начал там новую жизнь, стал работать в таллинской газете, жил гражданским браком. Это была как генераль-

Деревня, где скучал Довлатов...

Пушкиногорье. Село Березино. Деревянная развалюха. Две комнаты. Пол, через дырки в котором пролезают бездомные собаки. Именно здесь жил Довлатов.

Четыре года назад эту халупу приобрела Вера Хализева и теперь живет там летом. Все, что она сделала, — это наняла умельцев переложить печку, а то совсем была плохая. Хализева сначала и не знала, что дом этот знаменит, а когда выяснилось, то она решила ни в коем случае не выкидывать мутное зеркало, в котором отражались помпезные физиономии бывших жильцов, вытянутую панцирную кровать, колченогий стол да шкаф.

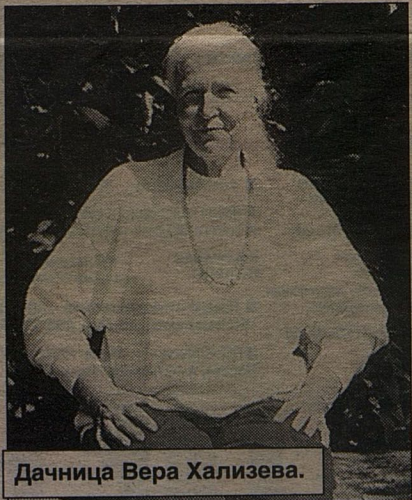
Старожилы здесь еще помнят Довлатова.

— Такой охальник был, не приведи Господи! — вспоминает баба Дуня. — С Мишкой, хозяином, загуляет, девки какие-то, а мать еврейная придет из Ленинграда да разгонит. Соберется уезжать, обязательно мне наказывала: дескать, присмотри тут за моим! Да разве уследишь?! А однажды он в Ленинград уехавши

был с бородой, а вернулся бритый. Я спрашиваю: куды бороду-то дел? А он отвечает: пришел к одной бабе десятку перехватить, а та отвечает, сбрей бороду, я тебе так дам. Что делать, сбрил!

Рассказывают, что Сергей покупал в сельмаге бутылку водки и... 50 граммов сала. Помнят, как однажды, сидя в алкольной задумчивости в кафе «Березка», он методично выбрасывал на асфальтовую дорожку тарелки со своего столика.

— Однажды звонят с турбазы: туристы скандалят, — рассказывает Лидия Суворова, в прошлом методист турбазы. — Прибегаю, Сергей, уже как есть датый, запикивает в автобус двух своих корешей. Они уже «никакие», так Сережа решил их отвезти вместе с туристами искупаться, чтобы привести их в божеский вид. Еле отговорила его. На следующий день говорю: «Сережа, как вам не стыдно!» А он в ответ: «Я не хотел, чтобы они спали на улице. Пьяными их домой никто бы не пустил, надо же им было протрезветь...»

Дачница Вера Хализева.

Юрий МОИСЕЕНКО.

Фото автора.

Псков — пос. Березино.